

«СОЗНАНИЕ МАШИН» (1957, 1963) ГОТТХАРДА ГЮНТЕРА И НОВАЯ ТЕХНОКРАТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА В ГЕРМАНИИ⁷

Михайловский А.В.

Школа философии и культурологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», профессор

Статья знакомит с главным философским произведением немецко-американского философа и кибернетика Готтхарда Гюнтера (1900–1984) «Сознание машин» и рассматривает его второе издание как переходный момент в дискуссиях о технике в Германии. В статье излагается философия техники Гюнтера, которая основана на концепции трансклассической кибернетики и отражает актуальность технократической повестки в общественной мысли США и СССР в 1950-е годы и – с отставанием на одно десятилетие – в Западной Европе и, в частности, в Федеративной Республике Германия в 1960-е годы. Взгляд на технику у Гюнтера отличается от послевоенных технопессимистических оценок немецких философов и социологов тем, что пытается преодолеть классические дихотомии духа и природы, субъекта и объекта, сознания и материи. Гюнтер также выходит за рамки очень влиятельной в тот период геленовской интерпретации техники как следствия компенсации дефектов человеческого существа. Техника у Гюнтера получает совершенно новую функцию, становится «другой техникой». Это уже не инструмент овладения природой, не компенсация недостатков, не посредник между человеком и природой, ограниченный возможностями инженерной науки, а общая теория всех систем, физических и духовных, «зеркало» инаковости и многообразия людей, их автономии и суверенитета.

Ключевые слова: Готтхард Гюнтер, философия техники, многозначная логика, трансклассическая кибернетика, трансклассическая машина, постистория.

I. Введение. Общий контекст немецких дискуссий о технике и интеллектуальные поколения

Готтхарда Гюнтера относят ко второму поколению Лейпцигской школы и второму поколению кибернетики. Две совершенно разные интеллектуальные генеалогии, которые уникальным образом сходятся в творчестве этого немецко-американского мыслителя. Гюнтер принадлежит к тому же интеллектуальному поколению, что и А. Гелен (р. 1902), Г. Андерс (р. 1902), Т. Адорно (р. 1903). Они были всего лишь на несколько лет моложе Э. Юнгера (р. 1895) и Ф.Г. Юнгера (р. 1898), которые могут служить яркими представителями так называемого «фронтального поколения», и значительно моложе тех, кто, как К. Шмитт, Х. Фрайер и М. Хайдеггер, родился около «года трех кайзеров» и духовно формировался в атмосфере утонченного распада *fin de siècle*, критиковал позитивизм и вливался в контркультурные молодежные движения. Интеллектуальное становление поколения Гюнтера

⁷ Статья впервые опубликована в журнале Семиотические исследования: Михайловский А.В. «Сознание машин» (1957, 1963) Готтхарда Гюнтера и новая технократическая парадигма в Германии // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2024. Т. 4, № 4. С. 25–34. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-4-25-34>.

пришлось на «ревушие двадцатые»; его представители, в общем и целом, довольно позитивно восприняли технооптимистическую повестку Веймарской республики и попытки авторитетных интеллектуалов прописать фигуру техника-инженера среди «жизненных форм» (термин Шпрангера) современного общества. В частности, Гюнтер был знаком с проектом «философии истории техники» Х. Фрайера, в перспективе которого одинаково неуместными оказывались как претензии на управление техникой qua нейтральным средством, так и «демонизация» техники, превращающая ее в самостоятельную и независимую от человеческого субъекта силу. Однако на раннем этапе своего творчества Гюнтер скорее держался в стороне от этих дискуссий. Он защитил свою промоционную работу о науке логики Гегеля под руководством берлинского профессора Эдуарда Шпрангера в 1933 году. В 1935 году устроился на работу ассистентом у Арнольда Гелена в университете Лейпцига и в 1937 году в соавторстве со своим более молодым другом Хельмутом Шельски выпустил книгу «Христианская метафизика и судьба современного сознания».

В 1940 году он эмигрировал в США, где сначала занимался исследованиями в Гарвардском университете в Кембридже, а затем, с 1961 по 1972 год, работал в знаменитой Биологической компьютерной лаборатории (BCL) Университета Иллинойса – исследовательском институте, основанном профессором электротехники и одним из основоположников кибернетики Хайнцем фон Фёрстером. Первые публикации Гюнтера на логико-метафизические темы начали выходить в 1950-е годы, а в 1957 году – на пике первого воодушевления от кибернетики на Западе – увидела свет его ключевая работа «Сознание машин. Метафизика кибернетики»⁸ [10; 11]. В обширном философском наследии Готтхарда Гюнтера важное место занимает разработанный им проект неаристотелевской логики, который получил название трансклассической логики. После войны Гюнтер по инициативе Х. Шельски и К.Ф. фон Вайцзеккера часто приезжал в Германию, выступал с докладами. В 1960-е годы вместе с другим философом техники Максом Бензе начал издавать междисциплинарный журнал «Grundlagenstudien aus Kybernetik und Geisteswissenschaft». В конце жизни читал лекции в Университете Гамбурга в статусе приглашенного профессора.

Еще в 1948 году началась его дружба с писателем и редактором Джоном Кэмпбеллом-младшим, продлившаяся двадцать лет. Научная фантастика (SF) переживала свой золотой век. Готтхард Гюнтер знакомится с разными авторами этого литературного жанра. В то время в Нью-Йорке регулярно собирались писатели, инженеры и ученые, обменивались идеями о проблемах и перспективах научной фантастики. Гюнтер берет на себя миссию проводника «возвышенной» американской SF в Германии и уже в 1952 году

⁸ Второе издание было расширено за счет приложений «Homunculus und Roboter» и «Die “Zweite” Maschine». Третье издание под редакцией Иохима Пауля и Эберхарда фон Гольдаммера было опубликовано Agis-Verlag по случаю 100-летия со дня рождения Готтхарда Гюнтера. В 2021 году издательство Vittorio Klostermann опубликовало четвертое издание этой книги, также основывающееся на втором издании; послесловие к книге написал Петер Травни. В дальнейшем мы будем цитировать второе издание «Сознания машин».

запускает серию «Книги о космосе» в издательстве Karl-Rauch-Verlag в Дюссельдорфе. В этой серии под его редакцией вышел перевод сборника научно-фантастических рассказов Айзека Азимова «Я, робот», к которому он написал программное послесловие под названием «Вторая машина».

В 1960 году произошла еще одна судьбоносная для Гюнтера встреча: он познакомился с нейрофизиологом и кибернетиком Уорреном Стерджисом Маккалоком. Именно Маккалок пригласил его читать лекции в Технологическом институте в Чикаго и на той самой кафедре электротехники Иллинойского университета в Урбане. Это событие можно считать стартом его академической карьеры в США.

В соответствии со стоящей перед нами общей задачей – обрисовать вклад Гюнтера в послевоенную дискуссию о технике в Германии – на первый план все же выходит его «немецкая генеалогия». Эта дискуссия проходила под знаком осмысления места и роли современной техники в жизненном мире позднего индустриального общества. Хороший очерк интеллектуальных дискуссий в Германии в первые полтора десятилетия после Второй мировой войны можно найти в монографии Р. Сафрански, посвященной Мартину Хайдеггеру и его эпохе. Среди прочего автор отмечает: «В пятидесятых и начале шестидесятых годов сформировался “дискурс катастрофы”, мирно сосуществовавший с лихорадкой созидательного труда, удовлетворением от уже достигнутого благосостояния, оптимизмом в малых делах и на коротких дистанциях. Голоса критиков культуры вносили мрачный диссонанс в бодрую деловитость процветающей Федеративной Республики» [4, с. 537].

Приведем некоторые подтверждения этого тезиса. Фридрих Георг Юнгер в «Совершенстве техники» (1946) бил в набат, видя исходящую от машинной техники угрозу богатству и многообразию природы; социолог Альфред Вебер описывал мир, в котором человек становится «роботом в бюрократически-автократической машине террора», философ Гюнтер Андерс вывел «градиент Прометея», отражающий неспособность человека в долгосрочной перспективе понять и осознать последствия своих технических действий, а авторы «критической теории» Теодор Адорно и Макс Хоркхаймер («Диалектика Просвещения» – несомненно, важнейшая веха в культуркритике левого спектра) допускали, что господство над внешней природой может перерасти в господство техники над самостью индивида («культуриндустрия»). Очередной виток модернизации в очередной раз вызвал рефлексии о возможностях, вызовах и опасностях техники. Свежие воспоминания о Второй мировой войне, высокий риск ядерной угрозы и одновременно происходящий всплеск гедонизма, сопровождавший экспансию общества потребления, запустили волну размышлений о «вторичных системах» (Х. Фрайер) или «непрозрачной суперструктуре» (А. Гелен) индустриального общества, что совпало с началом «экономического чуда» в молодой Федеративной Республике.

Как видим, в формировании технопессимистической по своей окраске рефлексивной парадигмы принимали участие представители нескольких

интеллектуальных поколений с разными идеологическими предпочтениями. Эта парадигма – совокупность социокультурных установок, в которых седиментировался коллективный герменевтический опыт, – определяла мировоззренческую стратегию в отношении технологической модернизации в поколениях Хайдеггера и Юнгера, захватывая даже поколение Гюнтера, Гелена и Адорно. Здесь для нашей задачи важно зафиксировать, что наиболее громкие голоса в этой дискуссии принадлежали представителям именно консервативной культуркритики. В основе картины мира, проникнутой скептическими в отношении техники и даже апокалиптическими мотивами, лежали теории, по-разному обосновывавшие идею *несоразмерности человека и техники*. Это не в последнюю очередь касается работ философов и социальных теоретиков, выросших из так называемой Лейпцигской школы социологии культуры, основанной социологом Хансом Фрайером в 1920-е годы. Сам Фрайер продолжал публикационную активность в 1950–60-е годы. В своей работе «Теория современной эпохи» [8] он анализировал принудительность и безальтернативную объективность систем индустриального общества. Ученик Фрайера, философский антрополог А. Гелен, рассматривал в 1950-е годы социально-психологические проблемы индустриального общества, поднимал тему антропологической обусловленности техники человеческой структурой поведения, раскрывая специфическую связь техники с «отношением человека к Земле» [9].

В 1957 году выходит и первое издание книги Гюнтера «Сознание машин», где он также предлагает философское обоснование техники, отталкиваясь, в частности, от философско-антропологического взгляда на машину как проекцию (или рефлекссию-отражение) органического бытия. Вместе с тем Гюнтер примечательным образом уже *не разделяет консервативного техноскептицизма, а наоборот, обращается к ранней технократической концепции техники Фрайера как производимой и трансформируемой человеком объективации культуры*. Эта тенденция в его творчестве усиливается ко второму изданию книги 1963 года, которое становится заметным событием в немецком интеллектуальном ландшафте и, по нашему мнению, знаменует окончательное прощание с культуркритическим дискурсом и переход к технократической парадигме. Еще один представитель второго поколения Лейпцигской школы, в прошлом соавтор Гюнтера Хельмут Шельски в 1961 году представил знаменитый доклад «Человек в научной цивилизации», который послужил триггером для «дискуссии о технократии», длившейся до 1970-х годов⁹. Новый принцип отношения человека к миру – это «промышленная реальность», динамизм обуславливающего самое себя производства как внутренний закон научной

⁹ Тексты дискуссии о технократии: [15; 18]. Речь, конечно же, не идет о том, чтобы сводить все написанное в период 1960 – 1970-х годов к апологии технократии: это не соответствует действительности и было бы достаточно наивно. Речь идет скорее о доминировании в интеллектуальной повестке вопросов технического господства в самом широком смысле, взаимодействия кибернетики и гуманитарного знания и т.д. Так, Гюнтер Рополь, автор вышедшей в 1979 году книги «Системная теория техники» считает, что дискуссия о технократии маркирует конец технологического детерминизма и начало нормативного поворота в технологиях на 180 градусов.

цивилизации [20]. Среди прочего автор говорил о возможности преодоления дуализма субъекта и объекта и открывающихся благодаря ему теоретических перспективах.

Из этого беглого обзора можно сделать два предварительных вывода. Во-первых, связь Гюнтера и Шельски с Фрайером и Лейпцигской школой проявилась в чрезвычайно плодотворном подходе к технике как части «живой системы». Техника – не чуждая автоматика, ибо ее самоорганизация соответствует самоорганизации в науке и обществе. Во-вторых, в своем творческом развитии Гюнтер в большей степени вписывается в интеллектуальную динамику следующего, более молодого поколения Шельски и фон Вайцзеккера (оба родились в 1912 году), которые во многом задавали тренды в дискуссии о социокультурной и политической роли науки и техники в Федеративной Республике до возвращения культуркритицизма в форме теорий компенсаторного модерна, общества риска и т.д. в начале 1980-х годов.

II. Трансклассическая техника

Трансклассической логике, «органоном» которой пользуется философия техники Гюнтера, посвящен подавляющий объем, впрочем, небольшой вторичной литературы. Исследователей также интересует его теория поликонтекстуальности (Polikontextualität), возникшая уже в 1960-е годы. Многогранный талант Гюнтера оставил след и в социальной теории: так, его критика бинарных оппозиций классической метафизики, онтологическое обоснование многозначной логики, кибернетическое понимание (не только и не столько человеческой) субъективности как факта эмпирического мира – все это имело большое значение для теории социальных систем Н. Лумана¹⁰.

Вместе с тем мало кому из исследователей удастся выделить у Гюнтера дискурс о технике в чистом виде: на немецком языке представлены лишь две коллективные монографии, обсуждающие вопрос о технике/технической цивилизации в связи с проблемами трансклассической логики [16; 14]. В 1990–2000-е годы в Университете Клагенфурта действовал Центр Готтхарда Гюнтера (Gotthard-Günther-Arbeitsstelle): его сотрудники издали архивную рукопись «Американский апокалипсис»¹¹ [13], а также написали «Введение в философию техники Готтхарда Гюнтера». Эти и другие публикации выходили под коллективным псевдонимом «Курт Клагенфурт» и принадлежат группе ученых вокруг социолога науки Арно Бамме, который среди прочего известен как исследователь немецкой технократии 1920–30-х годов и публикатор работ из наследия философа и инженера Хайнриха Харденсетта.

«Сознание машин» – это не только название труда Гюнтера, но и одновременно «диагноз эпохи» и «предчувствие нового образа мира и

¹⁰ Связка «Гюнтер–Луман» рассматривается в единственной русскоязычной публикации, которая является переводом с немецкого языка: [2]. О значении принципа поликонтекстуальности для системно-коммуникативной теории см.: [1, с. 257–277].

¹¹ Теме завершения мировой истории, связанного с экспансионистским стремлением американского прагматического духа распространиться на всю планету, посвящена переведенная на русский язык статья: [3].

человека, который полностью воплотится в жизнь лишь в будущем» [17, S. 416]. Взгляд на технику у Гюнтера отличается от технопессимистических оценок Хайдеггера и Гелена тем, что видит в ней «не только инструмент, но сущностный признак человека» [17, S. 416]. Действительно, Гюнтер берется за разработку некой «метафизики кибернетики», и потому даже не скрывает своего технооптимистического пафоса. Хайдеггер в «Вопросе о технике» (1954) связывал технику с завершением философии *qua* метафизики, для Гюнтера же в философии благодаря технике начинается новая великая эпоха. Хайдеггер усматривал в кибернетике проклятие европейского человечества, Гюнтер же видит в ней новый шанс для европейского человечества. При этом он не является философом, обернувшимся в Америке кибернетиком, но остается настоящим философом¹².

Гюнтер осмысляет *кибернетическую машину*, создаваемую человеком «по своему образу и подобию». Он предлагает нестандартный взгляд на международную литературу по кибернетике, пытаясь задействовать американскую оптику ментального фронта для своеобразного подвешивания традиционного для континентальной философии деления на Восток и Запад, каковым идеально-типически соответствуют диалектический материализм и его антитеза. Дадим слово философу: «Интересно наблюдать, как под влиянием кибернетических теорий Запад становится более «материалистическим», а Восток – более «идеалистическим». Любой, кто читает сегодня публикации российских кибернетиков, удивляется той страсти, с которой диалектический материализм утверждает, что человек принципиально превосходит машину. [...] Если говорить в устаревшей сегодня терминологии, то это идеализм в чистом виде, который к тому же – правда, не всегда справедливо – обвиняет западных кибернетиков в том, что они плохие, т.е. недиалектические, материалисты. В таких спорах обнаруживает себя мышление, которое еще не определилось со своей новой ориентацией и потому упускает из виду, что вопрос о том, превосходит ли человек машину, наделенную полностью рефлексивным „сознанием“, не подлежит (и никогда не будет подлежать) решению, поскольку он неправильно сформулирован и при более внимательном рассмотрении оказывается бессмысленным» [11, S. 16–17]. Согласно Гюнтеру, философские теории диалектического материализма и объективного идеализма находятся в диалектическом отношении друг к другу и имеют смысл только как отрицания друг друга. Также и американская и советская кибернетика – близнецы-братья, не столько потому, что возлагают на новую науку задачу решения преимущественно практических проблем, сколько из-за следования классической дихотомии материи и духа.

Глубинное родство американской кибернетики с диалектическим материализмом Советского Союза, в частности, ленинской концепцией диалектики проистекает из фатальной неспособности классического сознания

¹² Признание самого Гюнтера в письме к Шельски от 8 августа 1975 года («[I]ch bin nicht der “in Amerika aktivierte Kybernetiker”, sondern ich bin Philosoph geblieben [...]»). [Цит. по: 19, S. 33].

лишить субъективность супранатурального статуса, низведя ее на землю и ввергнув во внутримирные отношения (Innerweltlichkeit). Классическая европейская философия, а вслед за ней европейская наука и культура двигались в русле дуализма, разделяя мир на дух и материю, субъективное и объективное, живое и неживое, добро и зло, etc. и не признавая никакого иного деления и никакой иной – третьей – реальности. Методологический принцип «двузначности» (Zweiwertigkeit), восходящий к бинарному мифологическому мышлению, стал проклятием западноевропейской мысли, которая к середине XX века загнала себя в апокалиптическую ловушку. Переход от парадигмы физики к парадигме биологии как ведущей науки не решил проблему дуализма – и вот здесь-то Гюнтер возлагает надежды на «трансклассическую кибернетику», которой под силу выработать новую картину мира.

Трансклассическая кибернетика исходит из возможности и необходимости наделить материю мышлением, имплантировать в машину сознание. Проводником нового мировоззрения должна стать многозначная логика, ибо наивно полагать, будто классическая метафизика устранилась сама собой без устранения двузначной логики (zweiwertige Logik), этого органа рациональности, для которого не существует различия между «субъективной» и «объективной рефлексией».

Теорию «mechanical brains» нельзя считать новой разновидностью вульгарного материализма, вознамерившейся уничтожить дихотомию разума и материи посредством новых технических средств. Подобная идея была бы очередным роковым заблуждением. «[...] Кибернетическая критика, – пишет Гюнтер, – идет в прямо противоположном направлении. Акцент делается на том, что традиционное разграничение простой субъективности и антитетической объективности слишком грубо и слишком примитивно. Прежнее предположение классической метафизики о том, что действительность действительного и, в особенности, сущность человеческой экзистенции будто бы можно объяснить двумя и только двумя метафизическими компонентами реальности, а именно материальностью и духовностью, основано на заблуждении. Ведь как бы ни понимать эту первичную феноменальную оппозицию – например, как субъект и объект, как бытие и мышление, как смерть и жизнь и т. д., – всегда останется сфера феноменов, которую нельзя отнести ни по физическо-материальному, ни по субъективно-духовному ведомству» [11, S. 21]. Эту неопределимую сферу кибернетика называет словом «информация», понимая под ней собственно коммуникационный процесс. Норберт Винер строго разграничивает информацию и материю: «Information is information, not matter or energy». В то же время нельзя причислять информацию исключительно к области духовных процессов, думая, что кибернетика заключается в постепенном поглощении всего запаса ментальных данных субъективного сознания сконструированным электронным мозгом. Дело обстоит как раз наоборот. Подобно тому, как теория информации резко дистанцируется от законов объективного мира, она

проводит разграничительную линию между собой и полностью трансцендентным информации субъектом. Теория информации всегда исходит из двух «обратимых трансценденций» – объективной трансценденции материальной вещи и «субъективной интросценденции» самосознания [11, S. 22].

Триада «трансцендентный объект», «информация», «субъективно интросцендентное сознание» ставит под вопрос основание существующей картины мира – классическую метафизику тождества с ее онтологическим дуализмом и соответствующей ей двузначной логикой. Правда, новая картина мира пересматривает только понятие субъекта, поскольку третья сфера реальности как бы отпочковывается от субъективности, которая теперь делится на производящую информацию рефлексию и собственно внутреннюю жизнь сознания (Innerlichkeit). Применительно к объективным структурам сохраняет свою силу классическая двузначная логика. Однако классический принцип тождества (тождество мышления и бытия, совпадение субъекта и объекта в Абсолюте) в троичной кибернетической схеме превращается в три двузначных принципа тождества, имеющих относительное значение:

- а) бытийное тождество (объект – процесс рефлексии);
- б) рефлексивное тождество (процесс рефлексии – субъект);
- с) трансцендентальное тождество (объект – субъект) [11, S. 38–39].

Здесь можно провести различие между предметным тождеством бытия и непредметным тождеством субъекта с самим собой, а также различие между Я-субъективностью и Ты-субъективностью¹³. Так обнаруживается глубокое трансцендентальное значение кибернетики. Субъективность дана нам в нашем опыте в двух видах: в виде собственной душевной жизни и в виде чужой душевной жизни. Прозрачно для нас только наше собственное Я, а внутренняя жизнь Ты лежит «по ту сторону» нашего опыта. Конструкция механизма, производящего информацию и осуществляющего коммуникацию, позволяет рациональным образом преодолеть пропасть между Я и Ты, поскольку оба они проецируют вовне образ своей субъективности и посредством техники придают ему объективный характер. Таким образом трансклассическая логика позволяет учитывать в научной рефлексии не только сферу нерефлексивного, но и рефлексивные процессы, а значит, прокладывает диалектический путь к самопониманию человека через общее всем не-Я, т. е. через объективное измерение реальности.

Покуда наука изучает мертвые объекты и, подобно физике, может исключать любую субъективность¹⁴, двузначной логики достаточно. Но ежели рассматривать, подобно биологии, организмы, причем как живые субъекты, а не как нечто мертвое, то для этого требуется иная, трансклассическая или

¹³ «Это означает, что для нашей рефлексии существуют три дифференциала тождества. Во-первых, дифференциал между вещью и Я, которое есть мое собственное. Во-вторых, дифференциал между нашим собственным Я и любым другим, которым для нас всегда является Ты. [...] Ты хотя и выступает в нашем мире вещей как объективная величина, однако дистанцируется как от предметов, так и от событий этого мира, будучи некой величиной, личностью, как и мы. Таким образом, в дополнение к двум упоминавшимся до сих пор существует третий дифференциал тождества. А именно между Ты и объектами» [Ibid., S. 40–41].

¹⁴ Принцип неопределенности Гейзенберга не тождествен субъективности.

многозначная логика. Слова Паскаля о «мыслящем тростнике» приобретают здесь новый, неожиданный смысл. А значит, включение в научную рефлексия не только нерелексивных объектов, но и релексивных процессов требует иной метафизики и иной логики.

Переход от двузначной к многозначной логике несет с собой принципиальную трансформацию структуры человеческого сознания, новую метафизическую картину мира и совершенно новое представление о сущности машины и отношения к ней человека. Если мы сохраняем вертикальную аналогию человек – Бог, то робот будет аналогией человека и аналогией Бога через человека¹⁵. Это может показаться богохульством лишь с точки зрения двузначного/дуалистического мышления, тогда как трансклассическая кибернетика вводит третий момент субъективности, а именно некий «релексивный остаток», несводимый ни к Я, ни к Ты. Кибернетика особым образом обходится с «вещью-в-себе». С одной стороны, она допускает нечто не вмещающееся в рефлексию; с другой стороны, она отрицает изначально заданные свойства бытия. Направленная «внутри» воля производит образы фантазии, а воля, направленная «вовне», производит технику.

Гюнтер называет различия между «классической» и «трансклассической» техникой. Классическая техника развивается на первом уровне рефлексии; ее предмет, «природа», остается для нее объективной, независимой от мышления данностью со своими физическими законами, принципиально отличными от логики технически мыслящего человека. Эта логика служит изучению законов физических объектов с целью их дальнейшего использования. Кибернетика же не ставит перед собой цель «вывести у природы ее секреты», но хочет «научить» мышлению материю, которая не может сама себя рефлектировать. Конечно, «[...] абсурдно пытаться научить кофемолку или подобный ей механизм думать. Указанное устройство принадлежит к классической связи природы, а потому подчиняется исключительно естественным законам, а это означает, что законы сознания автоматически исключаются из его функциональной системы» [11, S. 71]. Мышление предполагает свободу, несовместимую с каузальностью природного мира. Кибернетика пытается пробиться в «субатомарный» регион, где классическое различие между бытием и мышлением, между не-Я и Я теряет свою значимость¹⁶. Тем самым утрачивает свою силу и классический аргумент, по которому вещь (Ding) нельзя научить законам мышления, поскольку мышление вынуждено следовать предметной логике (Sache). В субатомарной сфере, однако, логические законы – это одновременно и законы онтологического устройства предмета. Иными словами, есть некий вид рефлексии, который может быть локализован не в Я и не в Ты, а в некоем Оно. Сознание остается фрагментарным и относительным, поскольку зависит от «релексивного остатка», прячущегося за шифром «субъекта».

¹⁵ Подобно тому, как человек остается созданным «по образу и подобию» Бога, так и робот остается созданным «по образу и подобию человека».

¹⁶ Здесь Гюнтер ссылается на положение В. Гейзенберга: «Полностью изолированный предмет уже не имеет каких-либо свойств, которые поддаются описанию» [11, S. 70].

Стало быть, на трансклассическом уровне каузальность обнаруживает пробелы, в которые можно поместить рефлексивные функции. Таким образом конечной целью техники становится представление бытия как рефлексии-в-себе. При этом механические мозги всегда будут оставаться лишь аналогией сознания, и наоборот, душа никогда не сможет раствориться в механической рефлексии. Тем не менее у сознания сохраняется непреодолимая тяга к отображению себя в наличном бытии, поскольку только так – через инаковое нерелексивности – оно способно понять самое себя.

В Приложении IV к «Сознанию машин» Гюнтер кратко излагает историю техники и вводит понятие о «второй машине». *На первой стадии* технического развития мы наблюдаем неавтоматические инструменты или элементарные механизмы (гончарный круг, прялку и т. д.). *На второй стадии* мы имеем дело с полуавтоматическими машинами. *На третьей стадии* нас ждут полностью механизированные рабочие агрегаты. Магистральный путь развития техники ведет, таким образом, в сторону автоматизации (не автономизации!) инструмента и затем уже к спонтанности машины. Так, рычаг нуждается в руке, которая будет на него давить. А мельничное колесо, приводимое в движение силой водного потока, уже не зависит от человеческой силы. Язык нам подсказывает: «Инструментом *владеют*, машину *эксплуатируют*» [11, S. 182]. Так, ветряная или водяная мельница – это уже полуавтоматические машины. Машины же нового типа вроде сервомеханизма или термостата нуждаются только в регулярном *обслуживании*¹⁷. В остальном они сами устанавливают свой рабочий модус и демонстрируют независимую от человека спонтанность.

Полностью автоматические машины называются «robots». Это американское слово, производное от чешского robít, не означает в первую очередь «человекоподобный автомат». Для Гюнтера это синоним нового типа машины, который, в отличие от архимедово-классических машин, уже не имеет подвижных частей, и его производительность также не связана с движением таких частей. Примером, пусть примитивным, подобного «робота» будет электрический трансформатор, состоящий из куска железа и двух мотков медной проволоки. Его «работа» заключается в том, что он передает электрическую энергию от одной электрической цепи к другой посредством электронов и магнитных полей. Такую машину Гюнтер предлагает называть «трансклассической» или «неархимедовой машиной». В дальнейшем архимедовы машины будут все больше и больше вытесняться кибернетическими машинами, управляемыми исключительно посредством информационных сигналов. Идея кибернетической машины направлена на конструктивную реализацию механизма, получающего данные из внешнего мира, обрабатывающего их как информацию и затем передающего

¹⁷ В немецком языке используются глаголы beherrschen, bedienen и warten. В первом случае мы ничтоже сумняшеся говорим «владеть». Во втором случае употребляем глагол «эксплуатировать» (хотя буквально bedienen означает обслуживать, мы не говорим «мельник обслуживает мельницу», но «мельник эксплуатирует мельницу»). В третьем случае мы имеем в виду регламентированный осмотр и технический контроль (англ. maintenance with periodic control).

классической машине в управляющих импульсах. Более того, последнее, как показывает пример ЭВМ, совсем не обязательно. «В общем и целом, оставаясь в рамках философии техники, мы можем утверждать: до сих пор в своем техническом развитии человек выдвинул две принципиально разные идеи машины. Первая – это классическая машина Архимеда, цель которой – производить работу. Теперь наряду с ней возникла идея “второй” машины, от которой ожидают не столько работы, сколько информации. “Первая” машина была спроектирована по аналогии с человеческой рукой (и кистью), вторая, как ожидается, предназначена для того, чтобы стать технической репродукцией человеческого мозга. Ибо только мозг умеет обрабатывать информацию. “Первая” машина теперь стала исторической реальностью, “вторая” остается пока что техническим идеалом, до прогрессивной реализации которого еще очень и очень далеко» [11, S. 186].

III. Г. Гюнтер и Э. Юнгер

Для иллюстрации различия между классической и трансклассической техникой привлечем яркий образ из романа старшего современника Гюнтера Эрнста Юнгера «Стеклянные пчелы», который вышел в один год с первой редакцией «Сознания машин». Несмотря на элементы «спекулятивной фикции», текст выдержан в антиутопическом, антитехнократическом духе. Герой романа по имени Рихард знакомится с неким загадочным человеком по имени Дзаппарони. Тот является хозяином фабрики по производству наделенных интеллектом миниатюрных роботов и, как узнает читатель, на самом деле желает заставить материю мыслить, выступая по сути антагонистом Бога-Творца. Перед глазами главного героя во время его экскурсии по владениям инженера-изобретателя предстает шокирующая картина: в пруду плавают отрезанные уши, очень похожие на человеческие органы. «Разве это не логическое последствие технического перфекционизма и дурмана? Не этим ли все заканчивается? Какая еще эпоха мировой истории, если не наша, так богата расчлененными телами и отсеченными кусками плоти?», – размышляет он, пытаясь как-то стабилизировать опыт увиденного [5, с. 156–157]. Выловив одно сачком, герой в постгероической ситуации обнаруживает искусственный характер отрезанных ушей – «творение интеллекта, отрицающего свободный и нетронутый человеческий облик» [5, с. 197].

Отрезанные уши из «Стеклянных пчел» остаются в рамках классической техники. По замечанию исследователя масс-медиа Х. Зегеберга, этот образ становится «для наблюдателя символом техники, которая – подобно классической механике – исходит из разделения и расщепления естественных процессов» [21, S. 224]. Действительно, в таком резолютивно-компаративном методе классического рационализма техника и мышление в смысле простой рефлексии до известной степени переплетаются друг с другом и, говоря на языке гюнтеровской теории рефлексии, нераздельны между собой: «Старая классическая машина несет на себе отражение трудового ритма человеческой

руки, кисти и т.д. Она есть чисто физическая рефлексия, некая “рефлексия-в-другом” в терминологии Гегеля» [12, S. 84]. Иными словами, познание и действие здесь в принципе не различаются. Классическая машина – это «отрефлектированный порядок бытия» [12, S. 85], и тем самым она остается в рамках различения субъекта и объекта, свойственного высокой культуре. Однако, по мысли Гюнтера, который в «Американском апокалипсисе» развивал геленовскую интуицию техники как «великого культурного рубежья» (Kulturschwelle), на смену высоким культурам в XX веке приходит постисторическая эпоха, связанная с освобождением от Земли и вообще техническими манипуляциями с пространством – процессами, которые можно было, конечно, осмыслять не только в перспективе глобального доминирования американского прагматизма, но и успехов советского проекта.

Гюнтер в своем осмыслении трансклассической техники не только идет дальше Юнгера, но и преодолевает рамки очень влиятельной на тот момент геленовской интерпретации *tekhne* как следствия компенсации дефектов человеческого существа. Техника у Гюнтера получает совершенно новую функцию, становится «другой техникой». Это уже не инструмент овладения природой, не компенсация недостатков, не посредник между людьми и природой, ограниченный возможностями инженерной науки, а общая теория всех систем, физических и духовных, «зеркало» инаковости и многообразия людей, их автономии и суверенитета¹⁸. В случае кибернетических машин (и искусственного интеллекта) техника уже не является частью человека как его инструмент, но человек в известной мере становится частью техники, ибо лишь посредством нее он может сформировать свой собственный образ. Лишь окольным путем, через техническое отображение, воспроизведение человеческой субъективности в машине возникает новое искусственное звено в коммуникации между людьми, позволяющее людям лучше понять самих себя. Оно-то и освобождает человека от привязанности к природе, которая является отправной точкой его защитных механизмов и стратегий подчинения. Это освобождение мыслится (вполне в гегелевском духе) как нечто необходимое, потому что сама идея человечности больше не удовлетворяет конкретным проблемам, требующим незамедлительных практических решений. «Пост-теологический», «пост-апокалиптический» поворот Гюнтера проходит под знаком «технической возможности» и даже ставит вопрос об интеллекте как космическом факте и выживании человечества вне земных условий¹⁹.

¹⁸ Идея постепенной кибернетизации всех областей человеческой деятельности, в том числе политики, встретила критику со стороны Гюнтера Андерса во втором томе «Устарелости человека» (1980), что объясняется не только типичной для Андерса «негативно-антропологической» установкой, но и обратной сменой парадигмы в осмыслении модерна с технократической на культуркритическую.

¹⁹ Интересную, но не до конца продуманную попытку сопоставления постисторических перспектив у Г. Гюнтера и позднего Э. Юнгера (на примере «Стеклянных пчел» и эссе «У стены времени») предприняли К. Бауманн и А. Хёнтш [7]. Несмотря на известную близость обоих авторов (мыслят в гностическом ключе), между ними существуют серьезные различия. Так, Гюнтер не считает признаком технического перфекционизма какую-то искусную имитацию природных объектов, вплоть до имитации процессов мышления. Наоборот, он хочет пробиться к более глубокому уровню рефлексии, над которой уже надстраиваются известные нам законы природы как вторичные формы реальности. Юнгер мыслит технику со

IV. Заключение

Подведем итоги. Мысли Гюнтера чужд антропологический катастрофизм. Рефлексия никогда не может быть объективирована, а «механические мозги» никогда не уподобятся Я. Конечно, в этом «героическом преодолении культуркритики», как и у Шельски, настоящего героизма немного, однако Гюнтер действительно не видит никаких экзистенциальных угроз, исходящих от техники qua техники. Почему? Потому что техника всегда основывается на двух метафизических предпосылках: 1) объекты существуют, 2) субъективность существует. Информация же образует «среднее потустороннее» (*mittleres Jenseits*) [11, S. 37], т. е. представляет собой особый вид трансценденции. Ergo, «механизация» никогда не затронет «самосознания».

«Сознание машин» во второй редакции полностью вписывается в логику дискуссии социальных наук о технократии и со-определяет ее. Гюнтер ставит в упрек Юргену Хабермасу недостаточное знакомство с кибернетикой и вместе с тем подвергает критике «разношерстных кибернетиков» (*Wald- und Wiesen-Kybernetiker*) за следование «норме максимальной рациональности» [6, S. 132–133]. И все же, даже будучи далек от технократической *hybris*, что нетерпеливо ждет от науки мгновенного решения всех социальных проблем, Гюнтер мастерски вживается в образ апологета «трансклассической кибернетики», с которой в его проактивном сознании связаны грядущие культурные перемены. Смерть старой машины – вот врата в будущее.

Таким образом, в интеллектуальной культуре Германии на рубеже 1950-х – 1960-х годов мы фиксируем широкий отход от культуркритической парадигмы и переход к новой технократической парадигме (Гюнтер, Шельски и др.), для которой характерен поиск новых подходов к философии сознания и идентичности в техническую эпоху.

Список литературы

1. Антоновский А. Ю., Бараш Р.Э. Введение в системно-коммуникативную философию науки. М.: Логос/Гнозис, ООО «НТП», 2023.
2. Вагнер Г. Социология: к вопросу о единстве дисциплины // Филиппов А.Ф. (ред.). Теория общества. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 1999. С. 236–260.
3. Вербер Н. Гарантия количества: роль техники в размышлениях о будущем. // Нестеров А. (ред.). Вторые Лемовские чтения: Сб. материалов Всероссийской научной конференции с международным участием памяти Станислава Лема 28–30 марта 2013 г. Самара: Изд-во Самарского гос. аэрокосмического ун-та, 2014. С. 143–161.
4. Сафрански Р. Хайдеггер. Германский мастер и его время. М.: Молодая гвардия, 2002.

стороны органического, считает ее инструментом «одухотворения Земли», отводя рефлексии подчиненное положение. Гюнтер отводит кибернетике в смысле конструирования смыслопорождающих механизмов важную роль в налаживании диалога между Я и Ты в условиях технической современности.

5. Юнгер Э. Стекланные пчелы. М.: АСТ, 2019.
6. August V. Technologisches Regieren. Der Aufstieg des Netzwerk-Denkens in der Krise der Moderne. Foucault, Luhmann und die Kybernetik. Bielefeld: transcript Verlag, 2021.
7. Baumann Ch., Höntsch A. Ernst Jünger und Gotthard Günther: Versuche zu einer Geschichtsmetaphysik nach dem „Ende der Geschichte“ // Żarska N., Diesener G., Kunicki W. (Hgg.). Ernst Jünger – eine Bilanz. Leipzig: Leipziger Universitätsverlag, 2010. S. 86–497.
8. Freyer H. Theorie des gegenwärtigen Zeitalters. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1955.
9. Gehlen A. Die Seele im technischen Zeitalter. Sozialpsychologische Probleme in der industriellen Gesellschaft. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt, 1957.
10. Günther G. Das Bewusstsein der Maschinen – Eine Metaphysik der Kybernetik. 1. Auflage. Baden-Baden: AGIS Verlag, 1957.
11. Günther G. Das Bewusstsein der Maschinen – Eine Metaphysik der Kybernetik. 2., erweiterte Auflage. Baden-Baden, 1963.
12. Günther G. Beiträge zur Grundlegung einer operationsfähigen Dialektik. Bd. 1. Hamburg: Felix Meiner, 1976.
13. Günther G. Die Amerikanische Apokalypse. Herausgegeben und eingeleitet von Kurt Klagenfurt. München: Profil, 2000.
14. Klagenfurt K. Technologische Zivilisation und transklassische Logik. Eine Einführung in die Technikphilosophie Gotthard Günthers. Marburg: Metropolis-Verlag, 2016.
15. Koch C., Senghaas D. (Hgg.). Texte zur Technokratiediskussion. Frankfurt am Main: Europäische Verlagsanstalt, 1970.
16. Kotzmann E. (Hg.). Gotthard Günther – Technik, Logik, Technologie. München, Wien: Profil, 1994.
17. Kronthaler E. Gotthard Günther: Das Bewußtsein der Maschinen (1957) // Agazzi E., Schütz E. (Hgg.). Handbuch Nachkriegskultur: Literatur, Sachbuch und Film in Deutschland (1945–1962). Berlin, Boston: de Gruyter, 2013. S. 416–421.
18. Lenk H. (Hg.). Technokratie als Ideologie: sozialphilosophische Beiträge zu einem politischen Dilemma. Stuttgart: Kohlhammer, 1973.
19. Liggieri K. Der Regelkreis als das „universelle Gebilde der Technik“. Zugriffe auf Mensch und Maschine zwischen „allgemeiner Regelungskunde“ und philosophischer Anthropologie bei Hermann Schmidt // Jahrbuch Technikphilosophie. 2019. 5. S. 17-37.
20. Schelsky H. Der Mensch in der wissenschaftlichen Zivilisation. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften, 1961.
21. Segeberg H. Ernst Jüngers „Gläserne Bienen“ als „Frage nach der Technik“ // Strack F. (Hg.). Titan Technik. Ernst und Friedrich Georg Jünger über das technische Zeitalter. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2000. S. 211-224.